

УДК 811.512.156
DOI 10.17223/18137083/66/16

А. В. Байыр-оол

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Языковые особенности тувинских текстов
на латинской графике (1930–1941) ***

Статья посвящена исследованию языковых особенностей – фонетических, морфологических и лексических – тувинских текстов на латинской графике 1930–1941 гг. в сопоставлении с современным языком. Для сравнения привлекаются материалы первых исследователей, В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова, относящиеся ко второй половине XIX в., и диалектные данные. Выявлены две группы явлений: явления, отражающие более раннее состояние тувинского языка (не имеющие вариантов частица *-тур*, форма на *=а-дыр*, аналитическая конструкция *=гай эртти*, устаревшая лексика) и особенности, обусловленные, предположительно, влиянием разговорного языка (показатель настоящего времени на *=у* во вспомогательных глаголах (*=n туру*), отрицательная форма глагола на *=ва/=ве*). В целом язык тувинских текстов на латинской графике не имеет значительных различий с современным языком и максимально к нему близок.

Ключевые слова: тувинский язык, тексты, латинская графика, фонетические особенности, морфологические особенности, лексика, литературный язык, устный язык, диалект.

Тувинский язык, как и другие родственные тюркские языки южной Сибири, относится к младописьменным языкам, не имеющим длительной письменной истории. Первыми текстами на тувинском языке являются материалы выдающихся востоковедов В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова, которые были собраны во второй половине XIX в. и были опубликованы в I и IX томах фундаментальной серии «Образцы народной литературы тюркских племен...» [Радлов, 1866, с. 399–410; 1907, с. 1–216].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 17-78-20185 «Текст в культуре этноса как фактор сохранения идентичности народов сибирско-дальневосточного региона».

Байыр-оол Азияна Витальевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, azikoa@mail.ru)

Следующий этап появления письменных текстов связан с созданием тувинской национальной письменности на основе латинского алфавита в 1930 г., обусловившим начало формирования тувинского литературного языка. Появление национальной письменности было непосредственно связано с историческими и общественно-культурными событиями, происходившими в Туве в начале XX в., а также созданием в 1921 г. Тувинской Народной Республики (ТНР). Латинский алфавит в целом отражал звуковой состав тувинского языка. В основу принятой орфографии был заложен фонетико-морфологический принцип, учитывающий звуковой и морфемный состав слова. Значение латинизированного тувинского письма для становления письменного языка, особенности орфографии, его положительные стороны и недостатки отмечаются Ш. Ч. Сатом [Сат, 1973, с. 40]. «С созданием письменности возникла письменная форма тувинского языка, которая к середине 1940-х гг. начала перерастать в литературный язык» [Там же]. Следует отметить, что опорным диалектом литературного языка является центральный диалект, территория распространения которого исторически и географически была центральной областью Тувы.

За относительно недолгий период существования тувинского письма на латинской графике 1930–1941 гг. был создан и напечатан немалый объем различной литературы: газеты и журналы, учебники для детей и взрослых по обучению новой письменности, литературные сборники и авторские книги, литература справочного характера, законодательные тексты и переводная литература. История формирования и развития тувинской литературы этого периода подробно освещена в коллективной работе тувинских исследователей [История тувинской литературы, 2013, с. 101–234]. В 1941 г. тувинская письменность была переведена на русскую графику.

Изучению тувинского языка в материалах В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова и латинских текстах 30-40-х гг. XX в. посвящен ряд статей Л. А. Шаминой [2007; 2012; 2015]. Предметом исследования автора является глагольная аналитика: структурно-семантические типы аналитических конструкций и их развитие в тувинском языке с конца XIX в. до наших дней. Изучение грамматических явлений Л. А. Шаминой было проделано в сравнительно-сопоставительном плане: на материале текстов разных жанров (переводные и фольклорные материалы) одного периода и современных художественных текстов тувинского языка.

Целью данного исследования является выявление языковых особенностей – фонетических, морфологических и лексических – тувинских текстов на латинизированной графике в сопоставлении с современным языком и отслеживание изменений, произошедших в языке. Для сравнения привлекались материалы первых исследователей, В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова, относящиеся ко второй половине XIX в., и диалектные данные. Следует отметить, что материалы В. В. Радлова по алтайскому языку рассматривались исследователями этого языка [Озонова и др., 2018, с. 247]. Исследование материалов этого периода тувинской письменности представляет интерес для изучения истории тувинского языка.

Материалом для нашего исследования послужили:

- художественные тексты: «Sambukkajnyň sugaazy» («Рассказ Самбукай»), «Меең saktъžкъпът» («Мои воспоминания»), «Kincini saza ŗarkapъ» («Оковы разбиты»);
- тексты пьес: «Cuttu utpaalyŗar» («Не забудем джут»), «Ŗii nomu» («Сборник пьес»), «Хегеезен» («Женщина»), «Yur dargazynga uŖ syl poldum» («Я был начальником ячейки три года»);
- учебник по природоведению «Tumen pojduŖ ertteminiŗ nomu», справочник для охотников «Tiŗ» («Белка»), а также текст Уголовного закона ТНР «TAR Kezemce Tugumu».

1.3. Изредка наблюдается вариативное употребление [k] и [x] в начале слова: *кетсеџ/хетсеџ* – совр. тув. *хемчег* ‘мера’, ‘наказание’, ‘норма’; *кьгьп/хьгьп* – совр. тув. *хырын* ‘брюхо, еда’ (5).

(5) ...*po kiziniŋ tugajnda pir кетсеџ аьр полза coguir poor.* (С.у., а. 5)
‘Возможно, следует принять какую-то *меру* по поводу этого человека’.

В материалах В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова в абсолютном начале слова отмечается частое употребление шумного смычного [k], который соответствует в современном языке шумному щелевому [x] в данной позиции [Байыр-оол, Тюн-тешева, 2018, с. 31]. Чередование [k] и [x] в начале слова характерно и для некоторых говоров центрального диалекта в современном языке [Сат, 1987, с. 27, 32, 35].

2. Морфологические особенности

2.1. В глагольной морфологии обращает на себя внимание наличие отрицательного аффикса на *-ва, -vas, -ваjn* после сонорных [л], [р] и [о] основы, тогда как в современном языке употребляется вариант на *=ба/=бе* (табл. 2), а вариант на *=ва/=ве* употребляется только после гласных, например: *бодва*= ‘думать’ – *бодвава*= ‘не думать’; *эгеле*= ‘начинать’ – *эгелеве*= ‘не начинать’.

Таблица 2

Употребление отрицательных аффиксов
Usage of negative affixes

Латинская графика	Кириллическая графика	Перевод
Polvas	Болбас	‘Не будет’, ‘нельзя’
Paŋvas	Барбас	‘Не пойдет’
Kөгveen	Көрбээн	‘Не видел’
Pilvejn	Билбейн	‘Не зная’
Kelveze	Келбезе	‘Если не придет’
Oлугвадьва	Олурбадыве	‘Сидел ведь’
Каоџва	Кагба	‘Не оставляй’
Kөзүлвеңер	Көзүлбөңер	‘Не показывайтесь’
Кьлвадьт	Кьлбадыт	‘Я не делал’

Проиллюстрируем примерами (6)–(9):

(6) *Bŋtalŋ peer xire cerge ŋьqсар cer-le polvas.* (Т, а. 12)
‘**Нельзя** хранить в месте, которое может задымиться’.

(7) *Tedir teek kelves, cyge teerge, өрттеŋ tajgada ciir cyve cok.* (Т, а. 13)
‘Обратно **не вернется**, потому что в горелой тайге есть нечего’.

(8) *Samdykta aŋcŋlar tiŋniŋ kezŋn sojup aьrda oваарвајьп kuduruunniŋ sөөгyn ŋurtuzun uzulвајьп paar.* (Т, а. 11)
‘Иногда охотники, когда сдирают шкуру белки, не придавая значения, **не вытаскивают** полностью кость хвоста белки’.

(9) *Kajŋn xoja peer ol ool, men таңаа kelgeŋ, тааŋ кьлвадьт.* (Ş.п., а. 55)
‘Бряд ли (он) испугался, парень, я **не издавал** шума, придя сюда’.

Авторы «Грамматики тувинского языка» отмечают, что «в аффиксе *-ба/-бе* после *л, р, й* и *г* звук, обозначаемый буквой *б*, видоизменяется в диалектах и в ин-

дивидуальной речи в зависимости от ее скорости, от щелинного губно-губного [β] до взрывного [б]» [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 295]. М. В. Бавуу-Сюрюн не связывает употребление в современном языке вариантов отрицательной формы глагола на =*va*/=*ve* и после сонорных *z*, *l*, *p* (*билве* ‘не знать’, *көрве* ‘не смотреть’, *сагва* ‘не дойти’) с диалектным влиянием, а относит его к особенностям устной речи [Бавуу-Сюрюн, 2018, с. 183].

2.2. В исследуемых текстах отмечается единообразное написание глагола *tur*= ‘стоять’, ‘быть’ в функции связки, частицы и вспомогательного глагола в аналитических конструкциях со значением настоящего времени (табл. 3).

Таблица 3

Примеры употребления глагола *tur* в разных функциях
Usage of *tur* in various functions

Латинская графика	Кириллическая графика
<i>Tur</i> как частица	
...koncuoq uluoq kogaṛal cedirer tur (Т, а. 13)	...кончуг улуг когарал чедирер- дир ‘...наносит ведь очень большой ущерб’
...kʷdat-mool ezelep algan tur (S.c., а. 16)	...кыдат-моол эжелеп алган- дыр ‘...китайцы-монголы захватили ведь’
...po ezim iṣtin-ce kirer tur (Ṣ.n., а. 31)	...бо эзим иштинче кирер- дир ‘(надо) пойти в эту тайгу’
<i>Tur</i> как связка	
...aṅ meṅge paṣa xoraḷoq tur (Т, а. 13)	...аң-меңге база хоралыг- дыр ‘для животных (это) тоже опасно’
...erge cok cuḡula tustar xej tur (Т.р., а. 6)	...эргежок чугула дустар хей- дур ‘необходимых солей много’
...ol-taa ṣyn sanal tur (Ṣ.n., а. 12)	...ол-даа шын санал- дыр ‘это-то правильная мысль’
<i>Tur</i> как вспомогательный глагол	
Meni kʷm xereqlep tur ? (Ṣ.n., а. 23)	Мени кым хереглеп tur ? ‘Кто меня ищет?’ (букв. кто во мне нуждается)
Ol eḡnuṅ čanynda koncuoq saḡaṣ kʷs kʷlaṣtap tur (S.c., а. 6)	Ол өгнүң чанында кончуг чараш кыс кылаштап tur ‘Рядом с этой юртой ходит очень красивая девушка’
...aspaktap algan silḡip tur (M.s., а. 25)	...аспактап алган силḡип tur ‘...трясет, схватив (руками)’

В современном языке *tur*, будучи связкой и частицей, имеет фонетические варианты: *-тыр/-тир*, *-тур/-түр* (*-дыр/-дир*, *-дур/-дүр*). В качестве служебного и полнозначного глагола *tur*- в этом плане не изменяется. Такое унифицированное отображение *tur* встречается еще в текстах первых исследователей тувинского языка В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова [Байыр-оол, Тюнтешева, 2018]. В исследуемых материалах, возможно, зафиксировано более раннее состояние тувинского языка, когда *tur*= ‘стоять’, ‘быть’ еще не имел вариантов.

2.3. Для текстов литературных сборников и пьес-брошюр присуще заметное употребление формы настоящего времени на =*a-dыp* (=j *tur*=) (примеры (10)–(12)).

(10) *Тьһнај tur-sen-pe, taştъn ulustuŋ ŧimeenin korem.* (Ş.n., а. 61)

‘Ты **слышишь**, как люди на улице шумят’.

(11) *Søølynde ol ulus coj-paarga, am meŋee cugaalaj tur...* (S.c., а. 12)

В конце, когда эти люди ушли, мне **говорит**...

(12) *Udur cъdъrъmda kizi-le silgilej tur.* (M.s., а. 25)

‘Когда я спал, кто-то (меня) **трясет**’.

Эта форма встречается еще в тувинских литературных текстах на кириллической графике середины XX в., к концу века она становится малоупотребительной как в устном, так и в письменном языке.

2.4. В текстах, записанных на латинской графике, часто встречаются формы бытийного глагола *er-* ‘быть’ в виде частицы *ergi* и вспомогательного глагола в форме *erttik* в аналитических конструкциях с сослагательным значением (13), (14). Частица *ergi*, выражающая значение вежливости и риторичности при вопросе, варьируется в виде *irgi*, и эта форма *ирги* установилась в современном тувинском языке (15).

(13) *Po kizi paза xoradaj peer ergi-pe.* (Ş.n., а. 28)

‘Этот человек тоже рассердится **ли**’.

(14) *...kaaŧ mal-magan cybezi kancар parzъk ergi.* (Ş.n., а. 40)

‘...что **же** случилось с несколькими (поголовьем) скота’.

(15) *Meeŋ murnunda kiirgen pildirim tugajъ cogum cyu polgan irgi?* (Y.d.)

‘Что **же случилось** по поводу моего заявления, которое я ранее внес?’

Форму =*gaj erttik* с сослагательным значением мы часто встречаем в текстах пьес, которые отражают разговорную речь того времени, см. (16), (17). Эта форма практически вышла из употребления в современной разговорной речи, изредка ее можно встретить в письменных текстах [Байыр-оол, 2009, с. 96].

(16) *Po ulustar tiriq coraan polza, meŋee uzurazъp-la kelgej erttik...* (Ş.n., а. 31)

‘Если бы эти люди были живы, то **встретились бы** мне...’

(17) *...po cerden tezip coruptar polzuvussa cyu polgaj erttik?* (Ş.n., а. 28)

‘...что **же случится**, если мы убежим из этого места?’

2.5. В анализируемых текстах мы наблюдаем уже сложившуюся, как в современном языке, форму совершенного вида глагола на =*n/=ын*, восходящую к конструкции «глагольная основа в форме деепричастия на =*n* + вспомогательный глагол *ыт*= ‘посылать’» (примеры (18), (19)).

(18) *Azъk cerge-le olar ŧъdavajn ojlapkan.* (K.c.ŧ., а. 31)

‘На открытом месте они, не выдержав (схватки), **убежали**’.

(19) *...Monguŧ-pajnъ aalъn kaарkaŧ tezip corup kaan-pis.* (S.c., а. 6)

‘**Оставив** аал Монгушпая, мы обратились в бегство’.

Хотя изредка можно встретить аналитическую конструкцию с глаголом *ыт*= ‘посылать’ (20).

(20) *Индъq polza-taa, uzur ertterin kortkaŧ, padъp-la ытъm.* (K.c.ŧ., а. 6)

‘Хоть и было так, побоявшись переступить обычай, я **поехал**’.

2.6. В текстах нечасто, но встречается форма настоящего времени на =у вспомогательного глагола *тур*= ‘стоять’, ‘быть’ – *туру*, *чор*= ‘идти’, ‘быть’ – *чору*, восходящая, по мнению авторов «Грамматики тувинского языка», к форме древнего причастия, у которой «в последующем развитии постепенно отпали сначала конечный *p*, а затем предшествовавший ему *y*: *турур* > *туру* > *тур*» [Исхаков, Пальмбах, 1961, с. 362], см. (21), (22).

(21) *Arattar xolun caskap, koncicq pajrlap turu.* (X, а. 33)
‘Араты, аплодируя, бурно **праздновали**’.

(22) *...seni şьdal kiirip pajьдыр turu-pis.* (M.s., а. 24)
‘... (мы) тебя делая сильным, **делаем богатым**’.

Следует отметить, что формы на *туру*, *чору* практически не встречаются в современных письменных текстах, но они все еще употребляются в разговорной речи тувинцев. Вполне возможно, что это результат нормирования и стандартизации письменной формы современного языка.

3. Лексические особенности

Что касается лексических особенностей текстов на латинской графике, то они изобилуют заимствованными из русского языка словами и терминами, отражающими исторические, социальные и культурные преобразования, происходившие в то время в тувинском обществе. Например: *revolus, feodal, тыртъзан, kapitalizm, proletar, kultur, kolxos, zavot, şkola, sosialist, ştraf, maşina, massa, brigat, komandir, bolşevik, nasional, teatyr, klup, muzyk, respublik* и т. д.

Примеры полукалек и калек: ‘Красная Армия’ *Къзыл Şeriq*, ‘Советский Союз’ *Sovet Evileli*, ‘Совет Министров’ *Sajьttar Cөvyleli*, ‘классовая борьба’ *angь temisseli*, ‘Гражданская война’ *xamaattь tajьнь*.

Эти заимствованные слова осваиваются и развивают словообразовательные связи. Например, образование прилагательных при помощи аффикса обладания =лыг/=мыг: *revolustug* ‘революционный’, *politikticq* ‘политический’, *kulturlug* ‘культурный’. От заимствованных основ также образуются глаголы: *konfiskastaar* ‘конфисковать’, *organizastaar* ‘организовать’, *ştraftaar* ‘штрафовать’. В текстах Уголовного закона ТНР, например, глагол *konfiskastaar* ‘конфисковать’ употреблен вместе с синонимичным тувинским *xавьrar* ‘отнимать’, ‘экспроприировать’, ‘взимать’, см. (23).

(23) *Po тыrymde аьтканьпн jozugaar et-xөrengini konfiskastap-xавьrar coruk polza...* (Т.К.т., а. 16)

‘Что касается действий по **конфискации** имущества, указанных в этом законе...’

В тувинском языке существовала общественно-политическая и культурная лексика монгольского происхождения. Данная лексика в самом же монгольском языке получила развитие в послереволюционное время, она создавалась путем переосмысления ранее существовавших слов или увеличения их смыслового объема за счет новых значений. Многие из этих слов в новых значениях в период 20-х гг. XX в. были заимствованы тувинцами [Татаринцев, 1976, с. 40]. Однако в текстах для обозначения некоторых понятий все же используются, видимо, для усиления смысла или новизны русские заимствования, например: *revolus* вместо *хувискаал*.

В исследуемых текстах употребляется устаревшая лексика, отражавшая реалии и понятия того времени: *xelemeci* ‘переводчик, толмач’ (ср. совр. тув. *очулдурукчу*); *şавь* ‘ученик, последователь’, ‘арат, прикрепленный к монастырю’; *kargьs* ‘тиран, деспот’, ‘реакционер’; *surukcu* ‘ученик, сподвижник’; *şaagajttaar*

‘бить по щекам толстой простроченной кожей (один из видов наказания)’ [ТРС, 1968, с. 473, 562, 229, 392, 561].

Проведенное нами исследование языка тувинских текстов на латинизированном письме позволяет выделить две группы явлений:

1) явления, отражающие более раннее состояние тувинского языка: не имеющая вариантов частица *-тур*, форма на *=а-дыр* и аналитическая конструкция *=гай эртти*, устаревшая лексика;

2) особенности, обусловленные, предположительно, влиянием разговорного языка: показатель настоящего времени на *=у* во вспомогательных глаголах (*=п туру*), отрицательная форма глагола на *=ва/=ве*.

Тексты тувинского языка, собранные В. В. Радловым и Н. Ф. Катановым во второй половине XIX в., как показало наше предыдущее исследование, имеют весьма существенные различия с современным тувинским языком, особенно в фонетике. И эти различия мы отнесли к особенностям говоров и диалектов, через территории которых пролегал маршрут исследователей, и более раннему состоянию тувинского языка.

Период тувинского письма на латинской графике 1930–1941 гг. представляет собой предварительный этап становления современного литературного языка, о чем свидетельствуют такие явления, как влияние устной формы языка (глагольное отрицание на *=ва/=ве*) и вариативное употребление диалектных форм слов (например, употребление [к] и [х] в начале слова).

В целом язык тувинских текстов на латинской графике, несмотря на описанные нами фонетические, морфологические и лексические особенности, не имеет значительных различий с современным языком и максимально к нему близок.

Проведенное нами исследование подтверждает высказанное ранее мнение Ш. Ч. Сата о том, что общенародный, т. е. понятный для всех членов тувинского общества язык с незначительными диалектными различиями был вполне оформившимся к концу XIX в. [Сат, 1973, с. 57].

Список литературы

Бавуу-Сюрюн М. В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. 393 с.

Байыр-оол А. В. Отглагольная частица *ийик* в аналитических конструкциях условно-сослагательной семантики в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 4. С. 93–97.

Байыр-оол А. В., Тюнтешева Е. В. Тувинский язык в материалах В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова // Вестн. Тувин. гос. ун-та. Социальные и гуманитарные науки. 2018. Вып. 1(36). С. 29–42.

История тувинской литературы. Т. 1: Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 266 с.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Вост. лит., 1961. 472 с.

Ознова А. А., Тазранова А. Р., Федина Н. Н. Алтайский язык и его диалекты в материалах В. В. Радлова // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 235–249.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866. 455 с.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 9: Наречия урянхайцев, сойотов, абаканских татар и карагасов. СПб., 1907. 658 с.

Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1973. 195 с.

Сат Ш. Ч. Тыва диалектология. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1987. 104 а.

Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1976. 129 с.

ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энцикл., 1968. 648 с.

Шамина Л. А. Структурно-семантические типы аналитических конструкций сказуемого в тувинских текстах 30-40-х гг. // Языки коренных народов Сибири. Вып. 19. Новосибирск, 2007. С. 3–29.

Шамина Л. А. Актуальные проблемы грамматики тувинского языка в трудах Н. Ф. Катанова // Наследие Н. Ф. Катанова: Языки, история и культура тюркских народов России (к 150-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова). Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2012. С. 29–33.

Шамина Л. А. Изменения в структуре, семантике и функционировании аналитических конструкций сказуемого в тувинских текстах (с конца XIX в. до настоящего времени) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 181–192.

Список источников

- С.у. – Cuttu utraaһnar: 3 көzege һii. Көк-ool. Кызыл, 1935.
К.с.һ – Kincini caza һаркань. Кызыл, 1932.
М.с. – Мееһ сактыһкыһьт. Тока. Кызыл, 1941.
С.с. – Sambukkajһnyһ cugaazь. Һьп. 1931. № 6(49). Л. 6; № 9(52). Л. 12; № 10(53). Л. 16; № 11(54). Л. 14.
Һ.п. – Һii nomu. Pir tugaar tepter. Кызыл, 1937.
Т – Тиһ. Ансьlarga tuzalaar tepter. Кызыл, 1934.
Т.К.т. – TAR Kezemce Туруму. Кызыл, 1944.
Т.р. – Тумен ројдus ertteminiһ nomu. Кызыл, 1937.
Х – Хереезен. Тока. Кызыл, 1935.
Y.d. – Yur dargazьnga уһ сьl poldumю. Кызыл, 1938.

A. V. Bayyr-ool

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, azikoa@mail.ru*

Linguistic traits of Tuvan texts in Latin script (1930–1941)

This paper studies the unique linguistic (phonetic, morphological, and lexical) traits of Tuvan texts written in Latin script (1930–1941) in contrast with modern Tuvan. The materials gathered by early researchers, V. V. Radlov and N. F. Katanov, in the late 19th century, and dialect data are investigated. A number of phonetic and morphological traits and lexemes were found that can be divided into two groups: 1) the traits reflecting the earlier state of Tuvan: the *-myр* particle, forms with *=а-дыр*, analytical constructions with *=гай эрпму*, as well as archaic words; 2) the traits resulting from the influence of spoken language: the present tense marker *=у* in auxiliary verbs (*=п туру*), negative verb forms with *=ад/=е*. The comparative analysis of the late 19th century materials and texts in Latin script shows that V. V. Radlov and N. F. Katanov's materials and modern Tuvan texts have phonetic differences. They are related to the dialects and subdialects spoken on territories where these researchers worked. The period of Latinized Tuvan writing system was a preliminary period of formation of modern Standard Tuvan, as demonstrated by the influence of spoken language and variative usage of dialect word forms. Overall, Latin Tuvan texts, in spite of their unique phonetic, morphological, and lexical traits, do not differ significantly from the modern Tuvan language. This research confirms Sh. Ch. Sat's earlier statement that Standard Tuvan (the language with minor dialect differences comprehensible for all Tuvans) was formed by the end of the 19th century.

Keywords: Tuvan language, texts, Latin script, phonetic features, morphological features, lexis, literary (standard) language, spoken language, dialect.

DOI 10.17223/18137083/66/16

References

- Bavuu-Syuryun M. V. *Istoriya formirovaniya dialektov i govorov tuvinskogo yazyka* [History of Tuvan dialects and subdialects formation]. Dr. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2018, 393 p.
- Bayyr-ool A. V. Otlagol'naya chastitsa iyik v analiticheskikh konstruktivnykh uslovnosozlagatel'noy semantiki v tuvinskom yazyke [Verb-derived particle *iyik* in Tuvan analytical constructions with subjunctive meanings]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2009, no. 4, pp. 93–97.
- Bayyr-ool A. V., Tyuntesheva E. V. Tuvinskiy yazyk v materialakh V. V. Radlova i N. F. Katanova [Tuvan language in the materials of V. V. Radlov and N. F. Katanov]. *Bulletin of TuvSU. Social and Humanitarian Sciences*. 2018, iss. 1(36), pp. 29–42.
- Iskhakov F. G., Pal'mbakh A. A. *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1961, 472 p.
- Istoriya tuvinskoy literatury. T. 1: Istoki. Literatura Tuvinskoy Narodnoy Respubliki (1921–1944)* [History of Tuvan literature. Vol. 1: Origins. Literature of Tuvan People's Republic]. Novosibirsk, Publ. House SB RAS. 2013, 266 p.
- Ozonova A. A., Tazranova A. R., Fedina N. N. Altaiskiy yazyk i ego dialekty v materialakh V. V. Radlova [Altai language and Altai dialects in materials collected by V. V. Radlov]. *Siberian Journal of Philology*. 2018, no. 1, pp. 235–249.
- Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi. Ch. 1: Podnarechiya Altaya: altaytsev, teleutov, chernovykh i lebedinskikh tatar, shortsev i sayantsev* [Examples of Turkic Folk Literature from Southern Siberian and Dzungar Steppe. Pt 1: Altai Sub-Languages: Altai, Teleut, Chern and Lebed' Tartars, Shor, and Sayan]. St. Petersburg, 1866, 455 p.
- Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen. Ch. 9: Narechiya uryankhaytsev, soyotov, abakanskikh tatar i karagasov* [Examples of Turkic Folk Literature. Pt 9. Uryankhai, Abakan Tatar, and Karagas Speech]. St. Petersburg, 1907, 658 p.
- Sat Sh. Ch. *Formirovaniye i razvitiye tuvinskogo natsional'nogo literaturnogo yazyka* [Formation and development of the standart national Tuvan language]. Kyzu, Tuv. kn. izd., 1973, 195 p.
- Sat Sh. Ch. *Tyva dialektologiya* [Tyva dialectology]. Kyz yl, Tyvanyh nom yndyrer cheri, 1987, 104 a.
- Tatarintsev B. I. *Mongol'skoye yazykovoye vliyaniye na tuvinskuyu leksiku* [Mongolian language influence on Tuvan vocabulary]. Kyzyl: Tuv. kn. izd-vo, 1976, 129 p.
- Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvan-Russian Dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 648 p.
- Shamina L. A. Aktual'nyye problemy grammatiki tuvinskogo yazyka v trudakh N. F. Katanova [Relevant issues of Tuvan grammar in the works of N. F. Katanov]. In: *Naslediye N. F. Katanova: Yazyki, istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Rossii (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya N. F. Katanova)* [N. F. Katanov's heritage: languages, history, and culture of Russian Turkic peoples (on the 150th anniversary of the birth of N. F. Katanov)]. Abakan, KhSU Publ., 2012, pp. 29–33.
- Shamina L. A. Izmeneniya v strukture, semantike i funktsionirovaniy analiticheskikh konstruktivnykh skazyemogo v tuvinskikh tekstakh (s kontsa XIX v. do nastoyashchego vremeni) [The changes in the structure, semantics and functioning of the analytical constructions of the predicate in Tuvan texts (from the end of the 19th century up to the present time)]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 1, pp. 181–192.
- Shamina L. A. Strukturno-semanticheskiye tipy analiticheskikh konstruktivnykh skazyemogo v tuvinskikh tekstakh 30-40-kh gg. [Structural-semantic types of analytical constructions of the predicate in Tuvan texts of the 30–40s]. *Yazyki korenykh narodov Sibiri*. 2007, iss. 19, pp. 3–29.